

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ КЫРГЫЗОВ (ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РАССЕЛЕНИЕ)

В древности и средневековье важную роль в военно-политической и этнокультурной истории Центральноазиатского региона играли кыргызы. Наиболее значительным в истории кыргызского этноса и культуры был период «кыргызского великодержавия» IX–X вв., когда кыргызы подчинили себе Центральную Азию и создали могущественный Кыргызский каганат¹.

Однако на исторической арене кочевого мира кыргызы появились еще ранее, задолго до эпохи раннего средневековья. Первое упоминание о них в китайских исторических сочинениях относится к концу III в. до н.э.² Последующий период древней истории кыргызов вплоть до V в. н.э. очень слабо освещен в источниках, а попытки соотнесения исторических сведений с конкретными археологическими культурами и отдельными памятниками остаются дискуссионными.

Опыт реконструкции древнего этапа этнокультурогенеза имеет важное значение для истории не только кыргызского этноса, но и всего Центральноазиатского историко-культурного региона. Все сведения о древнем периоде истории кыргызов содержатся в очень фрагментарных и лаконичных сообщениях китайских династийных хроник. В источниках, повествующих о периоде правления в Китае династии Хань, кыргызы называются *гэгунь*, или *гяньгунь* (*цзекунь*, *цзянькунь*)³. В сочинениях, описывающих события, относящиеся к середине I тыс. н.э., кыргызы именуется *хэгу*, *кигу*, *гегу* (*цегу*, *цзегу*)⁴. В конце I – начале II тыс. н.э. китайцы передавали данный этноним в форме *хэгусы*, *хягясы* (*сяцзясы*)⁵. В XIII в. он передавался формой *цзи-лицзисы*⁶. Вопрос о соотношении этих терминов, представляющих собой различные варианты фонетической записи иноязычного этнонима китайскими иероглифами, неоднократно обсуждался в науке.

В китайских источниках, относящихся ко времени правления династии Тан, древние термины *гяньгунь* (*цзянькунь*) отождествляются со средневековыми *хягясы*, *хагасы* (*сяцзясы*): «Хакас есть древнее государство Гяньгунь»⁷. Специально отмечено, что новый термин является видоизмененной формой прежнего названия, а «государство Гяньгунь... ныне некоторые изменение называют Хэгусы»⁸. В европейской науке тождественность различных китайских форм, соответствующих этнониму «кыргызы», была отмечена В. Шоттом в середине XIX в.⁹ Среди исследователей Южной Сибири в XIX в. для обозначения кыргызов применялся средневековый китайский термин «хагасы»¹⁰. Н.Я. Бичурин, который ввел данный термин в научный оборот, учитывая сведения о расселении кыргызов на Енисее в средние века, предположил, что хагасы состояли из тюрков и монголов и населяли южные районы Сибири¹¹. Исследованные во второй половине XIX в. средневековые памятники Минусинской котловины начали приписывать хагасам¹². После расшифровки орхонских и енисейских рунических надписей, в которых упоминаются кыргызы, отождествление их с хягясами (сяцзясами) и гяньгунями (цзянькунями) китайских летописей стало неоспоримым¹³.

Попытки отрицать тождество терминов «гяньгунь» («цзянькунь») и «хягясы» («сяцзясы») и соответствие последнего этнониму «кыргызы», предпринятые в разные годы Н.Н. Козьминым и Л.Р. Кызласовым, диктовались стремлением обосновать историчность современного названия коренного населения Хакасии¹⁴. В древних и средневековых источниках оснований для противопоставления древних китайских терминов «гяньгунь» и «гэгунь», и средневековых «гегу» и «хягясы» не содержится. Все эти термины обозначают один и тот же этноним – «кыргызы»¹⁵.

С.Е. Яхонтовым на основании данных по исторической фонетике китайского языка

было реконструировано оригинальное звучание этнонима, записанного китайскими иероглифами в формах *гэгунь, гяньгунь, кигу, хэгу, гегу, хягусы, хягясы*, которые передают и его фонетические варианты термина «кыргыз»¹⁶.

Вопросам локализации места первоначального расселения кыргызов и анализа событий их древней истории уделяли внимание многие исследователи.

Основываясь на указаниях китайских источников, Э. Шаванн полагал, что кыргызы первоначально обитали в районе хребта Богдо-Ола в системе Восточного Тянь-Шаня¹⁷. Ему возражал Г.Е. Грумм-Гржимайло, склонявшийся к мысли о том, что кыргызы уже в древности обитали в Саяно-Алтае¹⁸. Вероятно, он ориентировался на данные об европеоидности древних кыргызов и носителей южносибирских культур эпохи бронзы и сведения по средневековой истории енисейских кыргызов.

В.В. Бартольд первым высказал предположение о том, что в древности кыргызы могли обитать в Северо-Западной Монголии, в районе оз. Кыргыз-Нур. Обобщив сведения китайских источников о гяньгунях, он заключил, что гяньгуни должны были обитать восточнее земель усуней. В.В. Бартольд упомянул о том, что «правителями страны Гяньгунь и других северных стран» были назначенные хуннским шаньюем «сановники китайского происхождения» Вэй Люй и Ли Лин. При этом он выразил сомнение в достоверности этих сведений, поскольку они «не основаны на точном свидетельстве источников». В.В. Бартольд отметил, что утверждение о том, что «Ли Лин остался у хуннов и получил во владение Хягас», отсутствует в источнике и является предположением Н.Я. Бичурина¹⁹.

По мнению А.Н. Бернштама, история кыргызов «уходит в глубокую древность, к IV тысячелетию до н.э.», когда на Енисее и Тянь-Шане обитали этнические группы «одного и того же расового типа». В хуннское время этот единый массив был расчленен на две ветви: тянь-шаньскую – усуней и енисейскую – кыргызов, которые образовали «два фронта для центральноазиатских держав» хуннов, сяньби и жужаней²⁰.

Иначе реконструировал историю «динлино-гяньгуньских племен» С.В. Киселев. По его представлениям, динлины являлись носителями тагарской культуры. После завоевания хуннами Минусинской котловины в конце III в. до н.э. на ее территорию переселились из Северо-Западной Монголии гяньгуни. В I в. до н.э. хунны сделали своим наместником на Енисее пленного китайского полководца Ли Лина, который стал родоначальником династии местных правителей. Он построил для себя дворец в китайском стиле на р. Абакан. В середине I в. до н.э. Минусинская котловина была покорена шаньюем северных хуннов Чжичжи. В последующие века, в течение первой половины I тыс. н.э., в результате ассимиляции динлинов гяньгунями на Енисее сформировался единый этнос – енисейские кыргызы и единая таштыкская культура²¹.

Взгляды С.В. Киселева на «этногенез динлино-гяньгуньских племен» были развиты Л.Р. Кызласовым, поддержавшим отождествление динлинов с носителями тагарской культуры в Минусинской котловине. «Владение Гэгунь», как отмечал он, располагалось южнее, в районе оз. Кыргыз-Нур (Северо-Западная Монголия). Миграция гяньгуней под давлением хуннов в конце I тыс. до н.э. в Минусинскую котловину, по его мнению, «блестяще подтверждается» археологическими материалами «тагарско-таштыкского переходного этапа». «Тагарским динлинам» принадлежали грунтовые могилы с погребениями по обряду ингумации, а «динлино-гяньгуньскому населению» – склепы с ингумациями и кремациями²². Гяньгуни принесли обряд кремации из Центральной Азии, о чем свидетельствуют раскопки памятников Наинтэ-Сумэ в Монголии и Шурмак-Тей в Туве²³.

Л.Р. Кызласов утверждал, что власть хуннов в Минусе «поддерживалась с помощью специальных наместников», опиравшихся на военные гарнизоны. Такими наместниками были «динлин-ван» Вэй Люй и Ли Лин, которому принадлежал «китайский по архитектуре дом» на Абакане. В правление сына Ли Лина южносибирские племена освободились от власти хуннов. В I в. до н.э. в результате похода Чжичжи-шаньюя на оз. Кыргыз-Нур оставшиеся в этом районе гяньгуни переселились на Енисей. В I в. н.э. хунны были окончательно разбиты сяньбийцами, которые

не смогли подчинить динлинов. Гяньгуней Л.Р. Кызласов считает тюркоязычным, а динлинов – угроязычным населением, «перемешавшимися» в единый этнос «древних хакасов» с единой таштыкской культурой²⁴.

Ряд положений этой концепции вызвал серьезные возражения у специалистов. А.Н. Липский отметил необоснованность этнографических аналогий между археологическими материалами таштыкской культуры и культуры хантов²⁵. А.П. Дульзон указал на ошибочность топонимических толкований Л.Р. Кызласова. Выделенные им «угорские» гидронимы являются кетскими²⁶. Н.Л. Членова подвергла сомнению утверждение о генетической преемственности тагарской и динлинской культур²⁷. Несмотря на несоответствие сведениям письменных и археологических источников и логические противоречия, эти взгляды стали хрестоматийными и некритически воспроизводятся в работах обобщающего характера²⁸.

Изучение тагарской погребальной обрядности позволило установить, что обряд сожжения склепов появился еще на сарагашенском этапе культуры, в IV–III вв. до н.э., задолго до предполагаемой миграции гяньгуней на Енисей²⁹. Значительная вариабельность погребальной обрядности населения Минусинской котловины в хуннское время не сводится к динлино-гяньгуньскому симбиозу. Изучение памятников хуннского времени в Туве также не подтверждает миграцию гяньгуней во II–I вв. до н.э. в Южную Сибирь³⁰. Д.Г. Савинов отметил противоречивость эволюционных построений Л.Р. Кызласова, согласно которым грунтовые могилы принадлежат местному тагарскому населению, а склепы – пришлым гяньгуням, поскольку на предшествующем, сарагашенском, этапе тагарской культуры были распространены именно склепы³¹. С.И. Вайнштейн и М.В. Крюков доказали, что «китайский дом» на Абакане был сооружен в начале I в. н.э. и, следовательно, не мог принадлежать Ли Лину, который к тому же на Енисее никогда не бывал³².

К началу 1980-х годов несостоятельность основных положений концепции «динлино-гяньгуньского этногенеза» на Енисее стала слишком очевидной, что стимулировало поиск новых решений. Ряд усилий в этом направлении был предпринят Д.Г. Савиновым, который попытался снять противоречия предшествующей концепции. Курганы-склепы тесинского этапа тагарской культуры он отнес к памятникам местного тагарского населения, а грунтовые могилы – к памятникам «пришлых племен»³³. Погребения в каменных ящиках он сначала соотнес с гяньгунями, указав, что в источниках не говорится об обряде кремации у гяньгуней³⁴. В дальнейшем Д.Г. Савинов стал связывать захоронения в каменных ящиках хуннского времени в пределах Саяно-Алтая с динлинами³⁵. Л.Р. Кызласов в работах последних лет повторил концепцию «динлино-гяньгуньского этногенеза» на Енисее почти без изменений³⁶. «Владение Гяньгунь» на Енисее он оценивает в качестве «новой государственности», объединившей гяньгуней и динлинов³⁷.

Анализ сведений китайских источников о гяньгунях и динлинах свидетельствует, что в течение III в. до н.э.–III в. н.э. эти племена безусловно различались между собой и обитали далеко за пределами Минусинской котловины – в Центральной Азии³⁸. Обследование района оз. Кыргыз-Нур в Монголии в 1987 и 2000 г. не выявило археологических памятников, которые можно было бы связать с гяньгунями³⁹. Вероятно, свое название это озеро получило в средние века. Проанализировав данные китайских источников, Л.А. Боровкова пришла к выводу, что в древности гяньгуни (цзянькуни) обитали в Восточном Притяньшанье⁴⁰. Археологические комплексы тесинского этапа тагарской культуры и таштыкской культуры в Минусинской котловине не имеют отношения к этнокультурогенезу древних кыргызов. Сомнения по этому поводу ранее уже высказывались А.Н. Липским и Э.Б. Вадецкой⁴¹.

«Владение Цзянькунь (Гяньгунь, Гэгунь)» впервые упоминается в китайских источниках династии Хань в 201 г. до н.э. Цзянькуни названы среди других племен, покоренных хуннским шаньюем Модэ: «Впоследствии на севере они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэгунь и Цайли; посему-то старейшины и зельможи повиновались Модэ – шаньюю и признавали его мудрым»⁴². Цзянькуни и

динлины, безусловно, различались китайцами в качестве разных «владений», подчиненных хуннам. Локализация этих племен, по краткому указанию источника, «на севере» от ставки хуннских шаньюев в Ордосе, вряд ли возможна. Попытки соотнесения названий этих племен с культурами Западной и Южной Сибири мало обоснованы и бесперспективны⁴³. Динлины были довольно многочисленным этносом, который наряду с юэчжами, дунху, усунями упоминается в источниках значительно чаще, чем цзянькуни. Хунны стремились держать их в подчинении. В начале I в. до н.э. хуннский шаньюй назначил правителем динлинов китайского перебежчика Вэй Люя, происходившего «из хусцев, живших по реке Чаншуй»⁴⁴. Вэй Люй играл активную роль в ставке хуннских правителей во время правления нескольких шаньюев. Когда в середине I в. до н.э. хунны были ослаблены междоусобицами, «динлины, пользуясь слабостью хуннов, напали на них с севера, ухуаньцы вступили в земли их с востока, усуньцы – с запада»⁴⁵. Цзянькуни в связи с этими событиями не упоминаются, что свидетельствует о менее значительной роли, которую они играли на политической арене Центральной Азии.

В источниках более определенно о местоположении цзянькуней и динлинов говорится при описании событий середины I в. до н.э. После распада единой хуннской державы Чжичжи, шаньюй северных хуннов, совершил поход на запад, в При Тяньшанье. Во время этого похода он «на севере от усуньских земель разбил (племя) уцзе, и уцзе сдались (ему). Подняв их (уцзе) войско, (Чжичжи) на западе (от уцзе) разгромил цзянькуней. К северу (от уцзе и цзянькуней) сдались динлины. Объединив (эти) три владения, (Чжичжи) неоднократно направлял свои войска против усуней и всегда побеждал их. В 7000 ли на восток от Цзянькунь находится ставка шаньюев, а в 5000 ли на юг – Чеши; Чжичжи и обосновался (в землях цзянькуней)»⁴⁶.

Хотя места расселения цзянькуней указаны довольно точно, исследователи локализовали их по-разному, поскольку направления и расстояния не вполне соответствуют друг другу. По реконструкции Л.А. Боровковой, земли уцзе и цзянькуней находились севернее восточных земель усуней к северу от хребта Боро-Хоро в системе Восточного Тянь-Шаня и к западу от пустыни Дзосотын-Элису⁴⁷. Динлины обитали севернее цзянькуней (рис. 1). По-видимому, они занимали значительно большую территорию, чем цзянькуни, поскольку ранее упоминались в качестве северных соседей самих хуннов. Во время пребывания Чжичжи в земле цзянькуней к нему было направлено посольство от правителя Канцзюя. Затем Чжичжи с войском ушел на запад к канцзюйцам, где и погиб⁴⁸.

В I в. н.э. динлины занимали обширную территорию Центральной Азии, в том числе земли к северу от владений северных хуннов. В период ослабления последних южные хунны нападали на них с юга, динлины же производили набеги с тыла, сяньбийцы – с восточной, а владения Западного края – с западной стороны⁴⁹. Динлины продолжали обитать севернее бывших хуннских земель и после падения объединения северных хуннов.

Во II в. н.э. сяньбийский вождь Тяньшихуай «на севере отразил динлинов, на востоке заставил отступить (владение) Фэюй, на западе нападал на усуней и овладел всеми бывшими сюннскими землями, которые тянулись с востока на запад более чем на 14 тыс. ли...»⁵⁰. При описании событий I–II вв. н.э. цзянькуни не упоминаются, что скорее всего объясняется отсутствием у них достаточных военных сил для ведения самостоятельной политики. Однако это не дает оснований для предположения о том, что цзянькуни к этому времени уже смешались с динлинами на Енисее и их название появилось вновь лишь в VI в. н.э.⁵¹ Они упоминаются в источнике «Вэй Люэ» (III в. н.э.): «Владение Гяньгунь расположено северо-западнее Канцзюй. Отборного войска 30 тыс. человек. Следуют за скотом. (Там) много соболей, есть хорошие лошади. Владение Динлин находится севернее Канцзюй.

Эти вьцзе (названные) три государства, с Гяньгунь в центре, находятся от ставки шаньюя сюнну на р. Аньсишуй на (расстоянии) 7 тыс. ли, на юге от них 5 тыс. ли – Чеши и шесть (других) владений, на юго-запад до границ Канцзюя – 3 тыс. ли, на

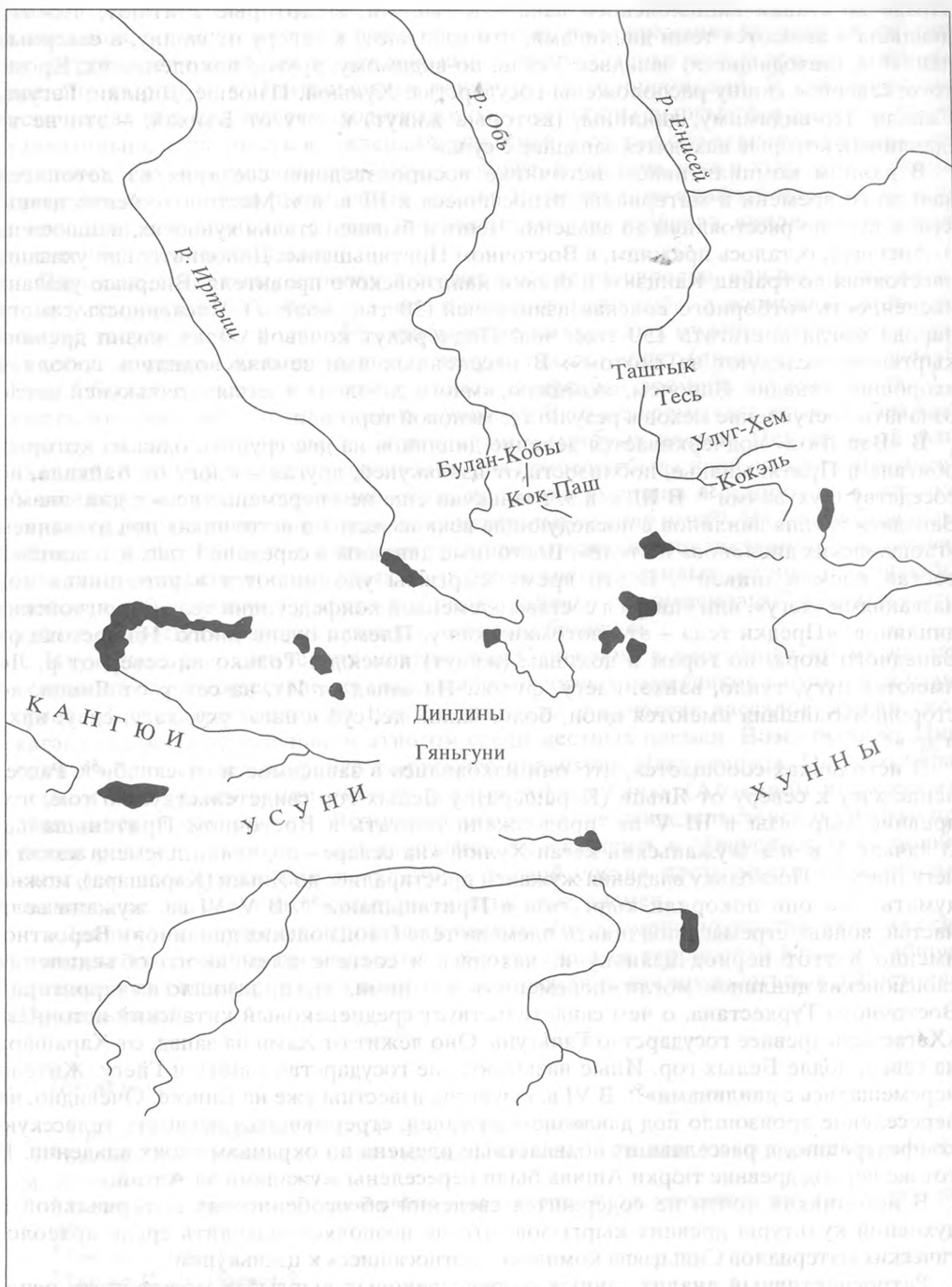

Рис. 1. Карта-схема расселения кыргызов и других кочевых племен и распространения археологических культур древних кочевников в западной части Центральной Азии в III в. до н.э. – V в. н.э.

западе до ставки канцзюйского вана – 8 тыс. ли. Некоторые считают, что эти динлины и являются теми динлинами, что (обитают) к северу от сюнну, а северные динлины, (находящиеся) западнее Усунь, по-видимому, другое поколение их. Кроме того, севернее сюнну расположены государства: Хуньюй, Цзюеше, Динлин, Гэгунь, Синьли. По-видимому, динлины, (которые живут) к югу от Бэйхай, – это не те (динлины), которые находятся западнее Усунь»⁵².

В данном компилятивном источнике воспроизведены сведения из летописей ханьского времени и материалы, относящиеся к III в. н.э. Местоположение цзянькуней, судя по расстояниям до владения Чэши и бывшей ставки хуннских шаньюев на р. Ансишуй, осталось прежним, в Восточном Притяньшанье. Дополнительно указаны расстояния до границ Канцзюя и ставки канцзюйского правителя. Впервые указана численность «отборного войска» цзянькуней (30 тыс. воинов). Численность самого народа могла достигать 150 тыс. чел. Подчеркнут кочевой образ жизни древних кыргызов: «следуют за скотом». В населенных ими землях водились соболи и «хорошие лошади». Впрочем, возможно, «много соболей» в землях цзянькуней могло означать поступление мехов в результате меновой торговли.

В «Вэй Люэ» подчеркивается деление динлинов на две группы, одна из которых обитала в Притяньшанье, поблизости от цзянькуней, другая – к югу от Байкала, по соседству с ухуанями⁵³. В III в. н.э. цзянькуни еще не «перемешались» с динлинами. Западная группа динлинов в последующие века известна в источниках под названием «гаоцзюйских динлинов» и «теле». Восточные динлины в середине I тыс. н.э. вошли в состав племен шивэй⁵⁴. В это время кыргызы упоминаются в источниках под названиями «хэгу», или «цигу» в составе племенной конфедерации теле и гаоцзюйских динлинов: «Предки телэ – это потомки сюнну. Племен очень много. На востоке от Западного моря, по горам и долинам (живут) повсюду. Только на север от р. Ло имеются пугу, тунло, вэйхэ, баегу, фуло... На запад от Иу, на север от Яньци, по сторонам Байшаня имеются циби, боло, чжи, де, субо, нагэ, уху, хэгу, едеу, нику и др.»⁵⁵.

В источниках сообщается, что они находились в зависимости от сяньби⁵⁶. Расселение хэгу к северу от Яньци (Карашара), у Белых гор свидетельствует о том, что древние кыргызы в III–V вв. продолжали обитать в Восточном Притяньшанье. В начале V в. н.э. жужаньский каган Хулюй «на севере» подчинил племена хэвэй и йегу (цигу)⁵⁷. Поскольку владения жужаней простирались до Яньци (Карашара), можно думать, что они покорили кыргызов в Притяньшанье⁵⁸. В V–VI вв. жужани вели частые войны, стремясь подчинить племена теле (гаоцзюйских динлинов). Вероятно, именно в этот период цзянькуни, находясь в составе племенного объединения гаоцзюйских динлинов, могли «перемешаться» с ними. Это произошло на территории Восточного Туркестана, о чем свидетельствует средневековый китайский источник: «Хага есть древнее государство Гяньгунь. Оно лежит от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор. Иные называют сие государство Гюйву и Гйегу. Жители перемешались с динлинами»⁵⁹. В VI в. кыргызы известны уже на Енисее. Очевидно, их переселение произошло под давлением жужаней, стремившихся ослабить телесскую конфедерацию, и расселявших подвластные племена по окраинам своих владений. В тот же период древние тюрки Ашина были переселены жужанями на Алтай.

В источниках почти не содержится сведений об особенностях материальной и духовной культуры древних кыргызов, что не позволяет выделить среди археологических материалов Синьцзяна комплексы, относящиеся к цзянькуням.

Ретроспективный анализ данных о средневековых кыргызах может стать основанием для целенаправленного поиска. В источниках подчеркивается европеоидный облик средневековых кыргызов: «Жители вообще росли, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком»⁶⁰; «их жители телом все высоки и велики, с красными волосами, с зелеными глазами. Имеющих черные волосы называют несчастливými»⁶¹. Европеоидные черты в антропологическом облике населения Минусинской котловины сохранялись до

монгольского времени. Правда, они прослеживаются у зависимых групп населения – кыштымов, потомков местных племен, поскольку из-за кремации взрослых кыргызов, их антропологический тип остается не выясненным. Однако можно предполагать, что древние кыргызы в Притяньшанье также были европеоидами. В средневековых источниках подчеркивается сходство языка и культуры кыргызов и уйгуров, что не удивительно, если учесть вхождение цзяньгуней в состав объединения гаоцзюйских динлинов и их «перемешивание» между собой⁶². В средние века и кыргызы, и уйгуры представляли собой тюркоязычные этносы. Возможно, по крайней мере, со времени вхождения цзяньгуней в состав конфедерации гаоцзюйских динлинов они были носителями тюркского языка.

Вероятно, к древнему периоду восходит и обряд татуировки, или раскраски лица и тела у кыргызов: «Храбрые из них татуируют руки себе, а женщины по выходе замуж, татуируют себе шею»⁶³; «храбрейшие из взрослых мужчин все чернят лицо в качестве отличия. Женщины, выйдя замуж, также чернят (лицо) от уха до шеи»⁶⁴. Этот обычай известен у кочевых племен скифского времени в Саяно-Алтае⁶⁵. У кыргызов «мужчины носили кольца в ушах»⁶⁶. В то же время «все жители обнажают голову, заплетают волосы»⁶⁷. Эти обычаи у кочевых племен Центральной Азии известны с эпохи бронзы. У кыргызов форма прически была иной, чем у гаоцзюйцев⁶⁸. У них получил распространение обряд кремации умерших и захоронения останков через год, что было связано с верой в очистительную силу огня⁶⁹. На Енисее подобный обряд сформировался под влиянием традиции сожжения коллективных усыпальниц-склепов в скифское время. Обряд погребения кремированных останков в урнах был известен в Восточном Туркестане в эпоху раннего средневековья⁷⁰. Однако в этом районе его распространение связано с влиянием буддизма.

Изучение археологических материалов Синьцзяна в настоящее время не дает оснований для отождествления каких-либо известных памятников с культурой цзяньгуней. После переселения на Енисей кыргызы в качестве вассалов жужаньского кагана стали господствующим этносом среди местных племен. Возглавлял их Цигу, один из братьев легендарного тюркского правителя Надулу-шада. Под его управлением находились земли «между реками Афу и Гянь» (Абаканом и Енисеем) в Минусинской котловине⁷¹. Возможно, это указание свидетельствует о родстве правящих родов древних тюрок и кыргызов. Укрепившись в Минусинской котловине, кыргызы ассимилировали и включили в свой состав часть местного населения, заимствовав ряд элементов культуры подвластных племен.

«Динлино-гяньгуньская гипотеза» к настоящему времени полностью утратила свое значение для решения проблем этнокультурогенеза на территории Южной Сибири⁷². Она должна рассматриваться в контексте истории обитания кыргызов в Восточном Притяньшанье.

Примечания

¹ Бартольд В.В. Киргизы // Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 489.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.: Л., 1950. С. 50.

³ Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // Сов. этнография (далее – СЭ). 1970. № 2. С. 110.

⁴ Там же. С. 110–111.

⁵ Там же. С. 110. Примеч. 2.

⁶ Яхонтов С.Е. Слово хакас в исторической литературе // Этнограф. обозрение. 1992. № 2. С. 62.

⁷ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 350.

⁸ Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания... С. 111.

⁹ Schott W. Über die ächten Kirgisen // Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. В., 1865. S. 432.

¹⁰ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 350.

¹¹ Там же. С. 351. Примеч. 6.

- ¹² Радлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1896. С. 52.
- ¹³ Худяков Ю.С. Кыргызы на Енисее. Новосибирск, 1986. С. 12.
- ¹⁴ Козьмин Н.Н. Хакасы. Иркутск, 1925. С. IX; Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов «хакас» и «кыргыз» в письменных источниках VI–XII веков // Народы Азии и Африки. 1968. № 4. С. 88–97.
- ¹⁵ Худяков Ю.С. Кыргызы на Енисее. Новосибирск, 1986. С. 26.
- ¹⁶ Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания... С. 112, 118.
- ¹⁷ Shawannes E. Les pays d'Occident d'après Le Wei-Lio // T'oung-Pao. 1905. II ser. T. VI. P. 559.
- ¹⁸ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. С. 350–351. Примеч. 3.
- ¹⁹ Бартольд В.В. Указ. раб. С. 477. Примеч. 15.
- ²⁰ Бернштам А.Н. История кыргызов и Киргизстана с древнейших времен до монгольского завоевания // Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры. Вып. XVI. М.; Л., 1947. С. 176.
- ²¹ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // Матер. Ин-та археологии. № 9. М.; Л., 1949. С. 267–268.
- ²² Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. С. 161–162.
- ²³ Боровка Г.И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Вып. 2. Л., 1927. С. 66–67; Кызласов Л.Р. Этапы древней истории Тувы // Вест. Моск. ун-та. Сер. ист., фил. 1958. № 4. С. 96–97.
- ²⁴ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха... С. 163–168.
- ²⁵ Липский А.Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов // СЭ. 1966. № 1. С. 109.
- ²⁶ Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 368–369.
- ²⁷ Членова Н.Л. Тагарская культура на Енисее // Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964. С. 306–307.
- ²⁸ История Сибири. Т. I. Л., 1968. С. 260.
- ²⁹ Вадецкая Э.Б. Тагарские традиции в таштыкской культуре // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 97.
- ³⁰ Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 39.
- ³¹ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху, Л., 1984. С. 14–17.
- ³² Вайнштейн С.И., Крюков М.В. «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды // СЭ. 1976. № 3. С. 146.
- ³³ Савинов Д.Г. Указ. раб. С. 14–17.
- ³⁴ Там же. С. 17.
- ³⁵ Савинов Д.Г. Погребения в каменных ящиках в Южной Сибири конца I тыс. до н.э.: возрождение традиции или миграция? // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск. 1987. С. 40.
- ³⁶ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 9, 15–22.
- ³⁷ История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 39.
- ³⁸ Худяков Ю.С. Кыргызы на просторах Азии. Бишкек, 1995. С. 46.
- ³⁹ Борисенко А.Ю., Бямбадорж Ц., Худяков Ю.С. Исследования в Убсу-Нурском аймаке Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Материалы годовой юбилейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск, 2000. С. 249.
- ⁴⁰ Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э.–VII в. н.э. М., 1989. С. 62.
- ⁴¹ Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 146; Липский А.Н. Указ. раб.
- ⁴² Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 50.
- ⁴³ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири... С. 9–18.
- ⁴⁴ Таскин В.С. Материалы по истории сюнну. Вып. 2. М., 1973. С. 116.
- ⁴⁵ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 82.
- ⁴⁶ Боровкова Л.А. Указ. раб. С. 61.
- ⁴⁷ Там же. С. 62.
- ⁴⁸ Там же. С. 61.
- ⁴⁹ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 126.
- ⁵⁰ Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984. С. 75.
- ⁵¹ Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха... С. 165, 193.
- ⁵² Супруненко Г.П. Некоторые источники по истории древних кыргызов // История и культура Китая. М., 1974. С. 237–238.
- ⁵³ Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов... С. 65.
- ⁵⁴ Там же. С. 139.
- ⁵⁵ Супруненко Г.П. Указ. раб. С. 239.
- ⁵⁶ Там же. С. 239.

- ⁵⁷ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 188.
- ⁵⁸ Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов... С. 48.
- ⁵⁹ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 350–351.
- ⁶⁰ Там же. С. 351.
- ⁶¹ Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 55.
- ⁶² Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 353.
- ⁶³ Там же. С. 351.
- ⁶⁴ Кюнер Н.В. Указ. раб. С. 60.
- ⁶⁵ Полосьяк Н.В. К вопросу о древней татуировке // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Археология и этнография». № 3. 1994. С. 32.
- ⁶⁶ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 351.
- ⁶⁷ Кюнер Н.В. Указ. раб. С. 58.
- ⁶⁸ Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов... С. 402.
- ⁶⁹ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 353.
- ⁷⁰ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995. С. 309.
- ⁷¹ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 222.
- ⁷² Вадецкая Э.Б. Динлино-гяньгуньская гипотеза в истории археологии Сибири // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 1. Омск, 1995. С. 23.

Yu.S. K h u d i a k o v. Early History of the Kyrgyz

Data from Chinese sources on the early period of the Kyrgyz history (the 3rd century B.C. – the 3rd century AD) and academic publications were critically analyzed to challenge the traditional notion that the early Kyrgyz occupied northwestern Mongolia. Evidences were provided that at the end of the first millennium B.C. and at the beginning of the first millennium A.D. the Kyrgyz inhabited the eastern Tien Shan. Some ethnographic and cultural traits of the early Kyrgyz have been reconstructed. The data shed a new light on the early history of the Kyrgyz and their involvement in the political and military events in Central Asia.

© 2001 г., ЭО, № 5

Л.Р. Кызласов

СИБИРСКОЕ МАНИХЕЙСТВО

Как открывается ныне, Сибирь к раннему средневековью все больше становилась культурным продолжением Средней Азии на север. Важнейшим событием в духовном развитии Сибири явилось распространение там манихейства – одной из наиболее философских, энциклопедических и книжных религий Переднего Востока, возникшей в Вавилонии в III в.

Основатель религии пророк Мани считал, что зороастризм, христианство и буддизм – это одна правильная вера, искаженная людским непониманием, и он послан восстановить ее. Называя себя «посланником бога Истины», он в то же время был трудолюбивым ученым и писателем: изучив устои основных религий эпохи и гностической философии, он изложил свой канон в семи книгах, для чего изобрел особую манихейскую письменность; украшая рукописи священных книг, прославился как художник-миниатюрист, а также оставил образцы церковной фресковой живописи. Объединяющую человечество веру Мани манихеи миссионерски разносили по свету. К XI–XII вв. они действовали на просторах всего Евразийского материка – от Атлантического океана до Тихого¹. По словам Абурайхана Бируни, «веру Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части